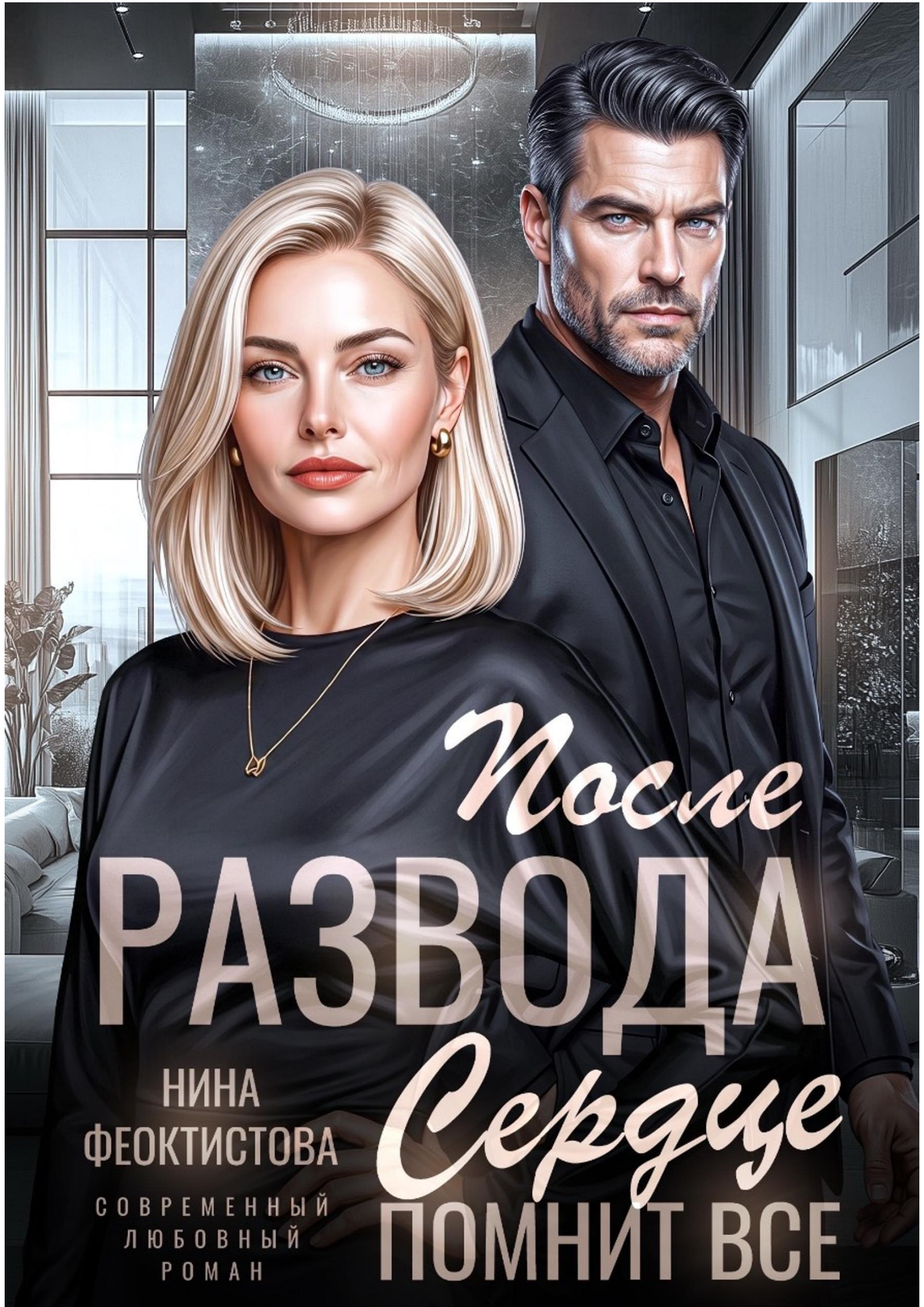

После
РАЗВОДА
Сердце
ПОМНИТ ВСЕ

НИНА
ФЕОКТИСТОВА

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

Нина Феокистова

После развода. Сердце помнит все.

«Автор»

2026

Феоктистова Н.

После развода. Сердце помнит все. / Н. Феоктистова — «Автор»,
2026

Когда-то Инга была самой счастливой женщиной на свете. У нее было все :
любимый муж, работа мечты. Но в один из дней все рушится : муж обвиняет
ее в измене и выгоняет ее из дома. Инга выстояла , смогла встать на ноги , но
все меняется , когда она видит Николая со своей сестрой..

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Нина Феоктистова

После развода. Сердце помнит все.

Глава

После развода. Сердце помнит все

Глава 1.

Я стою у витрины магазина тканей и не могу сдвинуться с места. Сердце колотится так громко, что кажется, будто оно вот-вот выпрыгнет из груди.

Николай.

Пять лет я не видела его. Пять долгих, длинных лет. И вот он здесь — на противоположной стороне улицы, в каких-то десяти метрах от меня.

Сегодняшнее утро началось как обычно. Я проснулась в семь, выпила кофе, съездила на примерку к невесте. Потом заглянула в магазин за материалами: мне срочно нужен был итальянский шелк для свадебного платья. Помню, как радовалась, что нашла именно тот оттенок, который искала так давно.

Я вышла на улицу с покупками и думала исключительно о работе. О том, что вечером необходимо доделать сложную выкройку. Что завтра утром придет новая капризная клиентка...

Это был самый обычный день.

Пока я не увидела его.

Николай стоял у входа в дорогой ресторан. Высокий, широкоплечий, в безупречном сером костюме. Темные волосы слегка тронула седина — раньше ее не было. Ему сорок пять, и он, кажется, стал еще привлекательнее, чем в день нашего расставания.

Та же уверенная походка, та же гордая посадка головы. Когда мы были вместе, я могла часами просто наблюдать за ним. Он был моим. Тогда я наивно полагала — навсегда.

Рядом с ним стояла Лена. Моя младшая сестра.

На ней было элегантное бежевое пальто, дорогие туфли на шпильке, волосы уложены в красивую прическу. Лена держала его за руку, беззаботно смеялась и смотрела на него так, словно он принадлежал только ей.

Они были вместе. Как пара.

У меня перехватило дыхание. Пакеты с шелком выскользнули из онемевших пальцев и упали на грязный асфальт.

— Черт, — беззвучно прошептала я и присела, чтобы собрать вещи.

Руки ходили ходуном. Я тщетно пыталась схватить скользкий пластик, но пальцы совершенно меня не слушались. Дорогое кружево вывалилось из свертка прямо в грязную лужу. *«Тамара, прекрати сейчас же. Ты взрослая женщина, тебе сорок лет. У тебя своя успешная швейная мастерская, своя давно налаженная жизнь. Ты давно все пережила и оставила в прошлом».*

Неправда. Я ничего не забыла. Просто научилась с этим как-то жить.

Я подняла голову — и столкнулась с ним взглядом.

Николай замер. Лена продолжала что-то щебетать, но он больше не слушал ее. Смотрел только на меня. И в его глазах было столько ледяного презрения, что мне стало по-настоящему страшно.

Точно так же он смотрел на меня пять лет назад, когда швырнул мне в лицо фотографии и закричал: «Убирайся! Не хочу тебя больше видеть!»

Я ведь пыталась ему все объяснить. Срывая голос, кричала, что это ложь, что меня оговорили. Но он не желал ничего слышать. Просто выставил мои чемоданы в коридор и запер передо мной дверь.

Я медленно выпрямилась, сжимая пакеты так сильно, что костяшки пальцев побелели. Внутри поднялось дикое желание развернуться и бежать без оглядки, но ноги словно вросли в тротуар.

В этот момент Лена обернулась. Заметив меня, она на мгновение побледнела, в ее глазах мелькнул испуг, но потом она мгновенно взяла себя в руки и натянула на себя фальшиво-радостную улыбку.

— Тома! — закричала она, активно махая руками. — Какая встреча! Не ожидала тебя здесь увидеть!

Они начали переходить улицу. Мое сердце забилося так сильно, что этот стук отдавался оглушительным шумом в ушах.

Сестра подошла ко мне, фамильярно обняла меня за плечи и поцеловала в щеку. От ее парфюма — приторно-сладкого, удушливого — меня начало подташнивать.

— Сколько лет, сколько зим! — ее голос звучит слишком громко, нарочито восторженно. — Как ты? Все так же шьешь? Слышала, у тебя теперь свое ателье! Ты такая молодец!!!

Я лишь молча кивала, не в силах выдавить из себя ни звука.

Николай застыл рядом с ней. Засунув руки в карманы брюк, он хранил тяжелое молчание и смотрел на меня так, словно перед ним какое-то мерзкое насекомое.

— Здравствуй, Николай, — тихо произнесла я.

Голос предательски дрогнул. В этот миг я остро возненавидела себя за эту слабость.

— Здравствуй, Тамара, — сухо ответил он, даже не кивнув в знак приветствия.

Его голос... Тот самый низкий, бархатный баритон, который когда-то нежно шептал мне по ночам: *«Ты самая красивая. Ты только моя»*. Который снился мне бессонными ночами: теперь в нем не осталось ничего, кроме арктического льда.

— Не ожидала встретить вас здесь, — наконец выдавила я.

— Мы тут недалеко обедали, — Лена собственническим жестом прижалась к его плечу и демонстративно положила ладонь ему на грудь. — У Коли безумно плотный рабочий график, у него почти нет свободного времени, но для меня он всегда находит минутку. Правда, дорогой? Коля.

Она назвала его Колей.

При мне никто и никогда не смел называть его так. Николай терпеть этого не мог. Я всегда звала его по полным именем. Лишь изредка — Колей, но и то, только едва слышным шепотом, когда мы оставались наедине в нашей спальне.

А теперь моя младшая сестра делает это демонстративно, с эдакой легкой небрежностью.

В этот момент что-то глубоко внутри меня окончательно разбилось.

— Понятно, — шепчу я.

Николай посмотрел на меня с такой злостью, что мне захотелось закричать на всю улицу, схватить его за лацканы дорогого пиджака и трясти до тех пор, пока он не услышит: *«Я не виновата! Это была чудовищная ложь!»*

Но я молчала. Потому что знала: он все равно мне не поверит. Как и тогда, пять лет тому назад...

— Ты неплохо выглядишь, — небрежно бросил он.

Его тон прозвучал холодно, почти издевательски. Я прекрасно понимала, что именно он сейчас видит перед собой: простое черное пальто, неприметную вязаную шапку, сумку-почталонку через плечо. Полное отсутствие макияжа и бледное, осунувшееся от вечного недосыпа лицо. *«Ты неплохо выглядишь»* на его языке означало лишь одно: *«Ты очень сильно сдала и постарела»*.

— Спасибо, — ответила я, стиснув зубы до боли.

Лена тихо, наигранно засмеялась.

— Томочка всегда за собой следила! Помнишь, Коленька, как она в молодости часами перед зеркалом крутилась? Мама еще смеялась: наша Тома — прирожденная модель!

Она говорит это с легкой издевкой.

Я внимательно посмотрела на нее. На свою родную сестру. Мы ведь росли в одной квартире, у нас комната была одна на двоих, я делилась с ней самыми сокровенными тайнами. Я плакала у нее на плече, рассказывая о своей первой любви, и сияла от счастья, когда познакомилась с Николаем...

И вдруг меня пронзила страшная мысль, похожая на резкий удар электрическим током.

Лена.

Это была она.

Пять лет назад кто-то анонимно принес Николаю «доказательства» моей неверности. Подбросил сфабрикованные фотографии, где я в постели с чужим мужчиной, приложив к ним поддельную распечатку СМС-переписки.

Николай безоговорочно всему поверил. Не дал мне и шанса оправдаться. Вышвырнул из своей, тут же подав на развод.

Все эти годы я ломала голову, гадая, кто же этот жестокий кукловод, разрушивший мою жизнь.

Но сейчас, глядя на Лену — на то, как судорожно она цеплялась за его локоть, как бегали ее испуганные глаза, как фальшиво и нервно она хихикала, — пелена спала с моих глаз.

Это сделала она. Моя родная кровь.

Пазл в моей голове мгновенно сложился. Она всегда смотрела на Николая особенным взглядом. Всегда находила предлоги остаться у нас подольше, слишком подробно расспрашивала о его привычках и его делах.

Тогда я списывала все на простое любопытство и думала, что сестра искренне рада моему семейному счастью.

А она просто выжидала момент, чтобы занять мое место.

— Нам пора, — прервал затянувшуюся паузу Николай и решительно взял Лену под руку.

Его ладонь уверенно легла на ее талию. Точно так же, как когда-то она ложилась на мою.

— Удачи тебе, Тамара, — сухо бросил он на прощание, разворачиваясь ко мне спиной.

Они ушли. Я осталась стоять посреди оживленного тротуара, глядя им вслед. Лена на секунду обернулась, и наши глаза встретились в последний раз.

В ее мимолетном взгляде я успела отчетливо увидеть две вещи: страх разоблачения и абсолютное, пьянящее торжество.

Ком встал у меня в горле. Горячие слезы подступили к глазам, но я из последних сил заставила себя сдержаться. Я не заплачу на виду у всех.

Пять лет.

Все эти пять лет я по крупицам собирала себя заново, строила новую жизнь. Шила новые платья, вымученно улыбалась клиентам, училась засыпать в пустой постели без него. И все это время он, оказывается, был вместе с моей сестрой. С той, кто хладнокровно разрушила мое счастье.

Я закрыла глаза и сделала медленный, глубокий вдох.

Ледяной воздух обжег легкие, отрезвляя. Вокруг шумел равнодушный мегаполис, куда-то спешили прохожие, толкая меня плечами.

А я стояла и с ужасом понимала: ничего не прошло.

Сердце помнит каждую деталь, каждую мелочь. Даже то, что для собственного спасения давно следовало бы навсегда предать забвению.

Глава 2

Мастерская встретила меня тишиной и запахом ткани — этим особенным, слегка душным ароматом хлопка и льна, который за долгие годы намертво въелся в стены. Я бросила пакеты на разделочный стол, стянула пальто и подошла к окну. Руки все еще дрожали, пальцы мелко подрагивали — такое ощущение, что внутри меня сломалась какая-то пружина и этот механизм теперь было не остановить.

Николай и Лена.

Я прижала ладони к стеклу. Оно было такое ледяное, что почти обжигало, но я не отстранилась. За окном сгущались сумерки. Фонари зажигались один за другим, освещая темноту резким желтым светом. Но внутри меня была не просто ночь, а какая-то непроглядная мгла.

— Как ты могла, Лена? — шептала я в пустоту, и собственный голос казался чужим и надломленным.

В кармане коротко и настойчиво завибрировал телефон. Достала его машинально, даже не глядя на экран.

Это была Лена: «Тома, давай встретимся? Поговорим?»

Я посмотрела на эти слова, и внутри поднялась волна ярости — горячая, общигающая, сметающая все на своем пути. Поговорим? Seriously? После пяти лет лжи? После того как она украла у меня все: мужа, семью, веру в людей?

Пальцы сами набрали ответ прежде, чем я успела включить свой разум: «Приезжай. Сейчас же».

Отправила и спрятала телефон обратно. Сердце колотилось так сильно, что его стук отдавался в висках. Что я делаю? Зачем я позвала ее сюда? Все же и так понятно. Но мне нужно было услышать все от нее. Я должна была посмотреть ей в глаза и узнать правду — ту самую, о которой я уже догадываюсь, но которая все еще кажется слишком чудовищной, чтобы быть реальностью.

Я начала расхаживать по мастерской — от окна к двери, от двери к манекенам. Они стояли вдоль стены — безмолвные свидетели моих бессонных ночей, моих слез, моих попыток построить себе новую жизнь из осколков старой. На одном из них висело недошитое свадебное платье, кружево еще не пришито к лифу. На другом — вечерний костюм цвета индиго, который я кроила три недели назад и так и не закончила.

Здесь я пыталась зашить дыру в собственной душе стежками и строчками. Каждым швом, каждой примеркой. Думала, что если буду достаточно занята, то боль отступит.

Не отступила.

Прошло минут двадцать — или два часа, я не понимала. Время тянулось, словно резиновое. Наконец дверь распахнулась с резким стуком, и в мастерскую влетела Лена — взъерошенная, раскрасневшаяся от быстрого шага, в пальто нараспашку. Она тяжело дышала, будто не шла, а бежала.

— Тома, я...

— Это была ты, — оборвала я ее. Голос звучал ровно, почти спокойно, но внутри меня бушевал ураган эмоций.

Она замерла на пороге, и створка двери медленно захлопнулась за ее спиной.

— Что?

— Не прикидывайся, — я сделала шаг вперед. — Это ты внушила Николаю, что я ему изменяю. Ты подбросила ему те чертovy фотографии. Ты разрушила нашу семью.

Лена стремительно бледнеет. Краска сходит с ее лица так быстро, словно из нее просто выкачали всю кровь. Она открывала и закрывала свой рот, словно рыба, выброшенная на берег. Потом отвела свой взгляд — и этого жеста было вполне достаточно, чтобы подтвердить все мои подозрения.

— Тома, я... Я не хотела...

— Не хотела?! — закричала я, и голос сорвался, осип. — Так не хотела, что сделала это?! Ты же моя сестра! Моя родная сестра! Как ты могла?!

Слезы текли по моим щекам — горячие, соленые, злые. Я не вытирала их. Пусть видит их. Пусть видит, что она натворила.

Лена прикрыла лицо руками. Ее плечи начали вздрагивать.

— Я любила его, — прошептала она сквозь слезы. — Я всегда любила его. С самого начала! Когда ты впервые привела его домой... я поняла, что пропала. Но он видел только тебя. Только тебя! А я была для него просто... тенью. Твоей младшей сестренкой, которую никто не хотел воспринимать не воспринимает.

Я смотрела на эту женщину с растрепанными волосами и размазанной тушью — и не узнавала ее. Передо мной стоял абсолютно чужой человек.

— И ты решила забрать его себе? — спросила я ее тихо. — Любой ценой? Даже разрушив мою жизнь?

— Я думала, что ты переживешь это спокойно, — говорила она, и в ее голосе зазвучала жалкая попытка оправдаться. — Ты же сильная. Ты всегда была такой. Ты все умела: зарабатывать деньги, держать себя в руках. А я... я дышать без него не могла.

— Господи, — шепчу я, отшатываясь от нее. — Ты больная. Ты понимаешь это?

Лена подняла голову. В ее глазах стояли слезы, но я не чувствовала к ней ни капли жалости. Только пустоту. Холодную, выжженную пустыню в сердце, где раньше жила любовь к ней.

— Он до сих пор злится на тебя, — говорит она так тихо, что я еле разбираю ее слова. — Он до сих пор презирает тебя за то, чего ты никогда не совершала.

— Вот именно! — кричу я, и мой голос эхом отдается от стен. — Он ненавидит меня за то, чего я не делала! Ты все хорошо продумала! Он поверил, потому что ты знала, на какие кнопки нужно нажать!

— Да, — шепчет она, и в этом признании звучит скорее вызов, чем сожаление. — Да, я знала. Он всегда был очень ревнивым. Всегда боялся тебя потерять, думал что ты слишком хороша для него. Слишком красивая, слишком умная, слишком... идеальная. Я просто... подтолкнула его. Подсунула пару фотографий, где ты с коллегой обнимаешься на корпоративе. Несколько обычных фотографий, которые с помощью хорошего мастера стали совсем невинными.

Она замолчала, и я с ужасом поняла: она гордится этим. Гордится тем, как ловко все провернула.

Я подошла к ней почти вплотную. Так близко, что увидела каждую морщинку в уголках глаз, каждую родинку.

— Убирайся отсюда, — произнесла я ледяным тоном, этот холод шел откуда-то из самой глубины сердца. — Убирайся и больше не появляйся в моей жизни. Иначе ты очень сильно пожалеешь об этом.

— Тома...

— Убирайся! — заорала я, и она вздрогнула так сильно, будто я ударила ее.

Она схватила свою сумку, которую выронила у порога, и выбежала из мастерской. Дверь хлопнула с такой силой, что стекло в раме жалобно зазвенело. Я услышала стук ее каблучков по лестнице — быстрые, громкие. Потом наступила абсолютная тишина.

Я осталась одна в мастерской, среди безмолвных манекенов и обрезков ткани. Наедине с осколками своего прошлого, которые резали мою душу сильнее любого стекла.

И с пониманием того, что я все еще люблю бывшего мужа.

Несмотря ни на что. Несмотря на предательство, ложь и пять лет разлуки. Я все еще любила Николая — и от этого осознания хотелось выть.

Я опустила на пол прямо у окна, обхватила колени руками и позволила себе наконец-то заплакать. Долго. Горько. Безнадежно.

Глава 3.

Я не планировала идти к нему. Но утром я проснулась с одной-единственной мыслью: он должен узнать правду.

Пять лет я молчала. Пять лет задыхалась от боли, пытаясь смириться с тем, что он считает меня предательницей. Но теперь, когда мне известно, кто стоял за этим кошмаром, молчать я просто не могла.

Офис Николая находился в самом центре города — монументальное, устремленное ввысь здание из стекла и бетона. Глядя на него, я против воли вспомнила, как когда-то привозила ему сюда обеды. Как он целовал меня прямо в лифте, не дожидаясь, пока закроются двери, и шептал на ухо, что я — его единственная и неповторимая.

Охранник на ресепшне встретил меня подозрительным взглядом.

— К Николаю Крылову, — я изо всех сил постаралась, чтобы мой голос не дрогнул.

— У вас назначено?

— Нет, но...

— Без записи нельзя.

Я крепко сжала кулаки. Внутри вспыхнуло малодушное желание развернуться и сбежать. Но перед глазами тут же встал его последний взгляд. Холодный, полный леденящего презрения.

— Скажите ему, что пришла Тамара. Его бывшая жена. Это жизненно важно.

Мужчина помедлил, сканируя меня тяжелым взглядом, но всё же снял трубку внутреннего телефона. Он говорил коротко, в основном слушал. Наконец опустил телефон на место.

— Можете проходить. Десятый этаж.

Я лишь кивнула и поспешила к лифту. Сердце колотилось в груди как бешеное, этот стук отдавался глухими ударами в ушах. Он сам согласился принять меня.

Лифт стремительно взмывал вверх, и с каждым преодоленным этажом дышать становилось всё труднее и труднее. Что я ему скажу? С чего начну? А что, если он опять не захочет меня слушать?

Двери с тихим шелестом разъехались. Коридор встретил меня безупречным минимализмом: широкий, залитый светом из огромных панорамных окон. Секретарша за столом мгновенно подняла на меня глаза.

— Вы Тамара?

— Да.

— Проходите. Последняя дверь по левой стороне.

Каждый шаг давался мне с большим трудом, каблуки глухо стучали по глянцевому полу, отбивая их ритм в висках. Вот и она — тяжелая матовая табличка: «Николай Крылов. Генеральный директор». Я замерла на секунду, сделала судорожный вдох и коротко постучала.

— Войдите.

Этот его голос... От него до сих пор по коже пробегала дрожь. Я толкнула дверь и шагнула внутрь.

Николай сидел за массивным столом из темного дерева, погруженный в работу: перед ним светился экран ноутбука, лежали стопки документов. Он поднял голову — и на меня снова обрушился этот арктический лед его глаз. Ни одна мышца не дрогнула на его лице.

— Что тебе нужно, Тамара?

Прямо в лоб. Безжалостно. Как будто между нами никогда и ничего не было, словно мы чужие друг другу.

Я прикрыла за собой дверь и сделала несколько шагов вперед, чувствуя себя такой маленькой и незащищенной посреди его огромного кабинета.

— Мне нужно, чтобы ты выслушал меня. Пожалуйста.

— У меня встреча через двадцать минут, — отрезал он, даже не глядя на свои часы.

— Двадцати минут мне хватит, — твердо ответила я, заставляя себя стоять прямо под его давящим взглядом.

Николай откинулся на кожаную спинку кресла и вальяжно скрестил руки на груди. Этот жест выдавал, как сильно он раздражен.

— Говори.

Я незаметно сжала пальцы так, что ногти больно впились в ладони. Острая боль помогла немного сосредоточиться.

— Я никогда не изменяла тебе, Коля. Никогда в жизни. Всё, что ты тогда видел — те грязные фотографии, переписки, сообщения — это была инсценировка. Идеально просчитанная стратегия. Меня просто подставил тот, кто завидовал мне и хотел разлучить с тобой.

На его губах появилась кривая, циничная усмешка. Он смотрел на меня с искренним презрением.

— Серьезно? Пять лет уже прошло, Тамара. Пять лет тишины. И ты пришла сюда, чтобы снова повторить мне эту сказку? Так я ее слышал, ничего нового ты мне не сообщила.

— Я не вру тебе! — мой голос предательски сорвался на высокой ноте. — Я никогда, слышишь, никогда не обманывал тебя! Это все сделала Лена!

Николай резко замер. Какая-то тень пробежала по его лицу, взгляд мгновенно потемнел. Он медленно, угрожающе поднялся из-за стола, нависая как грозовая туча.

— Что ты сейчас сказала?

— Это была Лена, — повторила я, чувствуя, как горячие слезы начинают прожигать глаза, но я упрямо сдерживая их. — Моя родная сестра. Это она всё подстроила. Она бредила тобой. И разрушила нашу жизнь до основания только для того, чтобы в итоге получить тебя.

Николай вышел из-за стола и двинулся в мою сторону. Шаг, еще шаг. Он остановился слишком близко ко мне. До меня долетел знакомый, едва уловимый шлейф его терпкого одеколона, и внутри всё болезненно перевернулось, ком подступил к горлу.

— Ты сама-то веришь в этот бред? — заговорил он опасно так тихо, но за этим спокойствием угадывалась закипающая ярость. На его шее запульсировала вена.

— Думаешь, я такой клинический идиот, Тамара? Решила сделать виноватой сестру, которая все эти годы поддерживала меня и помогала отойти от твоего предательства?

— Она сама призналась мне! — прошептала я, судорожно хватая ртом воздух. — Вчера вечером. Сказала мне прямо в лицо, что всегда любила тебя. Что пойдет на всё, лишь бы ты был с ней.

Николай раздраженно мотнул головой.

— Лена не способна на такую подлость. Она добрая, искренняя и честная. Она была единственной, кто был рядом со мной, когда ты втоптала мою любовь в грязь.

— Да не предавала я тебя! — не выдержав, закричала я, и слезы всё-таки брызнули из глаз. Я сделала шаг навстречу, стирая между нами последние сантиметры расстояния. — Николай, умоляю, посмотри на меня! Загляни мне в глаза! Ты же любил меня, ты знал меня лучше всех! Неужели ты правда веришь, что я могла так поступить с нами?!

Он замер, глядя мне прямо в душу. Мы стояли так близко, что я слышала его тяжелое, прерывистое дыхание. В его глазах на долю секунды отразилась сумасшедшая, яростная борьба с самим собой, в них что-то вспыхнуло на долю секунды и почти сразу погасло, сменившись привычным раздражением.

— Я видел те снимки, — глухо, свистящим шепотом произнес он, и в его голосе прорезались нотки ревности. — Сам читал сообщения в твоём телефоне. Ты целовала его. Улыбалась ему.

— Это просто искусный фотешоп, не более — в отчаянии я схватила его за предплечье, пытаюсь достучаться до него, но Николай резко, с силой отдернул руку, словно обжегся о мое прикосновение. — Коля, ради всего святого, подумай хорошенько! Перепроверь всё сам! У

тебя ведь есть связи, деньги, лучшие детективы! Просто начни искать ответы на свои вопросы и ты их получишь!

Он резко отвернулся от меня к панорамному окну, запустив пятерню в волосы и тяжело вздыхая. Его спина была напряжена как струна.

— Уходи, Тамара.

— Что?..

— Уходи, — повторил он, не поворачиваясь. Голос звучала ровно и страшно. — Я не хочу больше слушать эти сказки. Не хочу тебя больше видеть. Между нами все давно кончено, мы друг другу чужие люди. Перестань ворошить прошлое и успокойся уже. Пойми, у меня теперь своя жизнь и тебе там не место.

Каждое его слово било меня как пощечина. Физически ощущая, как рушатся последние надежды, я начала медленно пятиться к выходу.

— Ты до сих пор любишь меня, — прошептала я сквозь подступающие рыдания, заставляя его обернуться.

— Я же вижу это. Чувствую по тому, как ты злишься на меня. Будь я тебе безразлична, ты бы просто посмеялся и выставил меня вон. Но знаешь, ты прав: больше я доказывать свою невиновность не буду. Однажды ты сам все поймешь, но будет слишком поздно...

Николай резко развернулся, его лицо исказила гримаса гнева.

— Не лъсти себе. Я давно ничего не чувствую к тебе ничего, кроме безразличности.

Ложь. Я всем сердцем чувствовала, что это неправда. Но произнесенные им слова били точно в цель, заставляя кровоточить старые раны.

Я нащупала ручку, рванула дверь и выбежала в коридор. Пространство перед глазами плыло и двоилось от слез. Кое-как добравшись до лифта, я судорожно вдавила кнопку вызова.

И только тогда, когда зеркальные двери сомкнулись, отрезая меня от его мира, я сползла по стене и позволила себе разрыдаться в голос.

Он не верит мне. Он запер свою душу на замок.

Но, боже мой, я всё еще люблю его. Вопреки всему. Несмотря ни на что. Но я не прощу его за это унижение никогда...

Глава 4. Прошлое.

Я стою у окна мастерской и смотрю на ночной город. В руках — чашка остывшего чая. Пить совершенно не хочется, но руки просто застыли, поэтому я просто держу ее и греюсь. Хотя внутри меня такой лед, что его ничем не растопишь.

После той встречи в его кабинете прошло три дня. Все эти дни я провела зомби, я почти не спала, ничего не ела и механически выполняла заказы, чтобы хоть как-то занять руки и голову.

Но память меня не отпускает. Она возвращает меня туда — в то время, когда мы были так счастливы. Когда он любил меня, а я верила, что это навсегда.

Десять лет назад. Август.

Я тогда еще работала в небольшом ателье на окраине города — чинила одежду, перешивала старые вещи, иногда шила что-то на заказ. Денег всегда не хватало, но я была молода, полна энергии и мечтала когда-нибудь открыть свое дело.

В тот день я возвращалась домой поздно вечером. Устала так, что ноги еле волочила. На улице накрапывал мелкий противный дождь, и я торопилась, прижимая к груди сумку с выкройками.

Совершенно не заметила, как на повороте выскочила прямо под колеса черного джипа.

Тормоза взвизгнули так громко, что я зажмурилась, инстинктивно прикрывая голову руками. Машина остановилась в каких-то сантиметрах от меня. Сердце колотилось как бешеное, в ушах стоял звон.

Дверь распахнулась с резким хлопком, и из салона выскочил высокий мужчина в дорогом костюме. Он был взбешен — я видела это по напряженной челюсти, по сжатым кулакам.

— Ты вообще смотришь, куда идешь?! — заорал он, подходя ближе. — Я чуть тебя не сбил!

Я стояла, дрожа всем телом, и не могла вымолвить ни слова. В глазах стояли слезы — от страха, от усталости, от всего разом.

Мужчина замер, глядя на меня. Его лицо изменилось — гнев сменился растерянностью, потом чем-то похожим на вину.

— Прости, — сказал он тише, проводя ладонью по волосам. — Прости, я не хотел на тебя кричать. Ты в порядке?

Я кивнула, судорожно сглатывая ком в горле.

— Да. Я... Извините. Я не смотрела по сторонам...

Дождь усилился. Крупные капли стучали по асфальту, стекали по моему лицу. Мужчина снял пиджак и накинул мне на плечи.

— Давай отвезу тебя домой. Ты вся промокла.

— Не надо, я сама...

— Не спорь со мной, — он взял меня за локоть и мягко, но настойчиво повел к машине. — Я чуть не сбил тебя. Это меньшее, что я могу для тебя сделать.

Я села в салон — теплый, пахнущий кожей и его терпким одеколоном. Руки все еще мелко дрожали. Мужчина сел за руль, внимательно посмотрел на меня.

— Куда тебя везти?

Я назвала свой адрес. Он завел машину, и мы поехали через ночной город. Какое-то время мы просто молчали. Потом он включил музыку — что-то негромкое, джазовое.

— Как тебя зовут? — спросил он, не отрывая взгляда от дороги.

— Тамара.

— Красивое имя. — Он улыбнулся краем губ. — А я Николай.

— Приятно познакомиться, — выдавила я из себя, и он тихо рассмеялся.

— При таких обстоятельствах — это сомнительное удовольствие.

Мы доехали до моего дома очень быстро. Я вернула ему пиджак, поблагодарила и уже почти вышла, когда он окликнул меня:

— Тамара, подожди...

Я обернулась. Николай смотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, но не решался.

— Можно... Можно мне позвонить тебе? Спросить как ты? А вдруг тебе станет плохо?

Я не знаю, что на меня нашло. Может, это просто усталость. Может, его такие теплые карие глаза. Может, то, как он укрыл меня своим пиджаком под дождем. Но я достала телефон и продиктовала свой номер.

— Позвони, — сказала я тихо и убежала в подъезд, чувствуя, как щеки горят огнем.

Он позвонил на следующий день. Пригласил в кафе. Я пришла в своем лучшем платье, сшитом собственными руками.

Николай встретил меня у входа: он был белой рубашке и брюках, без галстука. Волосы чуть растрепаны, словно он несколько раз проводил по ним рукой. Он был невероятно красив, и я не могла оторвать от него глаз.

Мы проговорили три часа. Я рассказывала ему о работе, о мечте открыть свое ателье. Он слушал внимательно, задавал вопросы, смеялся над моими шутками.

Оказалось, Николай руководит строительной компанией. Начинал он с нуля, пробивался сам, без связей и денег. Теперь у него свой бизнес, но он все еще работает по четырнадцать часов в сутки.

— Некогда отдыхать, — сказал он, помешивая кофе. — Работа — это все, что у меня есть.

— А семья у тебя есть? — спросила я осторожно.

— Нет. Был женат в молодости, но у нас с ней не сложилось. С тех пор так и живу один.

Он смотрел на меня так внимательно, что внутри все переворачивалось. С теплотой и нежностью, будто я была самой важной на свете.

Когда он провожал меня до дома, взял за руку. Его ладонь была большой, теплой и такой надежной.

— Я могу увидеть тебя снова? — спросил он у подъезда.

— Да, — прошептала я, и он улыбнулся — так искренне, что у меня перехватило дыхание.

Николай наклонился и поцеловал меня в щеку. Легко, почти невесомо. Но этого прикосновения хватило, чтобы я всю ночь не могла уснуть.

Мы встречались каждый день. Он приезжал за мной после работы, мы гуляли по ночному городу, разговаривали обо всем на свете. Я рассказывала ему о детстве, о родителях, о сестре Лене. Он слушал, запоминал каждую мелочь.

Через месяц он сделал мне предложение.

Мы стояли на набережной, смотрели на реку. Был теплый сентябрьский вечер, небо было окрашено в розово-золотые тона заката. Николай вдруг опустился на одно колено, достал маленькую бархатную коробочку.

— Тамара, я никогда не думал, что снова смогу полюбить. Но ты... Ты перевернула всю мою жизнь. Выйдешь за меня?

Я плакала, кивала, не в силах вымолвить ни слова. Он надел мне на палец тонкое кольцо с бриллиантом — изящное, нежное, совсем как я.

Мы поженились через два месяца. У нас не было пышной свадьбы, присутствовали самые близкие. Николай купил нам квартиру в центре города — просторную, светлую, с огромными панорамными окнами.

Я была безумно счастлива.

Первые три года брака пролетели как один миг. Николай баловал меня: дарил цветы без повода, возил в путешествия и воплотил в реальность мою мечту. Он помог мне открыть маленькую мастерскую — снял помещение, купил швейные машинки, привел первых клиентов.

— Ты очень талантливая, Тома, — говорил он, целуя меня в макушку. — Ты создаешь красоту. Люди должны это видеть.

Я любила его так сильно, что иногда от этого у меня просто замирало сердце. Любила просыпаться рядом с ним, готовить ему завтраки, гладить его рубашки. Любила, как он обнимал меня по ночам, зарываясь лицом в мои волосы и шептал: «Ты мое все».

Но была одна проблема: Николай был страшно ревнив.

Поначалу это казалось очень милым. Он всегда хмурился, когда на меня заглядывались другие мужчины, а я радовалась: значит действительно любит. Он звонил по десять раз на дню, спрашивал, где я, с кем, что делаю.

Потом это все стало напрягать.

Он мог закатить скандал из-за того, что я задержалась в мастерской. Или из-за того, что клиент-мужчина слишком долго стоял рядом со мной на примерке.

— Я боюсь тебя потерять, — говорил он, прижимая меня к себе после очередной ссоры. — Ты слишком хороша для меня, Тома. Я каждый день просыпаюсь с мыслью, что ты уйдешь к кому-то другому.

— Я никуда не уйду, — шептала я, целуя его в губы. — Я люблю только тебя. Только тебя, слышишь?

Казалось, он верит мне. Но ненадолго. Страх меня потерять снова и снова возвращался, разъедавая его изнутри.

Я не понимала тогда, что это бомба замедленного действия. Что рано или поздно его ревность взорвется и разрушит все, что мы построили.

На четвертый год брака у нас появилась Лена.

Моя младшая сестра переехала в наш город. Она только что рассталась с со своим парнем, была в жуткой депрессии, просила моей помощи. Я, конечно, не отказала ей. Помогла ей найти работу, часто приглашала к нам домой в гости.

Николай относился к ней дружелюбно, но сдержанно. А Лена... Лена смотрела на него иначе. Я замечала эти взгляды — слишком длинные, слишком теплые. Но гнала от себя плохие мысли.

«Это же моя сестра. Родная кровь. Она не способна на подлость».

Как же я ошибалась тогда...

Я отхлебнула холодный чай и поморщилась. За окном уже рассветало. Город медленно просыпался, зажигались окна в домах.

Память больно сжимала сердце. Те годы были самыми лучшими в моей жизни. Я думала, что мы будем вместе с мужем до конца жизни. Что никто и ничто и не сможет нас разлучить.

Но я не учла одного: даже самая крепкая любовь может разбиться о ложь и предательство.

И что самое страшное — предала меня та, от кого я никогда этого не ожидала. Моя родная сестра.

Глава 5. День, когда все рухнуло

Я помню этот день до мельчайших подробностей. Каждый миг, каждое слово — все намертво впечаталось в память.

Это было пять лет назад, холодным ноябрьским утром.

Я проснулась очень рано, около шести утра. Николай еще спал — лежал на животе, обняв подушку, лицо было такое расслабленное. Я осторожно поцеловала его в висок, накинула халат и пошла на кухню готовить нам завтрак.

За окном моросил дождь. Серое небо, мокрые деревья. Я включила кофеварку, достала яйца для омлета. По радио играла какая-то меланхоличная песня.

Обычное утро. Ничего не предвещало беды.

Николай вышел из спальни около семи — уже одетый, в строгом темно-синем костюме. Выглядел он усталым, под глазами залегли темные тени.

— Плохо спал? — спросила я, наливая ему кофе.

— Работы много, — коротко ответил он и сел за стол.

Я подвинула ему тарелку с омлетом, но он почти не притронулся к еде. Сидел, мрачно уставившись в одну точку, и пил кофе мелкими глотками.

— Коля, что-то случилось? — я присела рядом, накрыв его руку своей.

Он резко отдернул ладонь, словно обжегся.

— Все нормально.

Голос прозвучал жестко, почти грубо. Я растерянно моргнула. Он никогда так со мной не разговаривал.

— Ты злишься на меня?

— Нет, — он встал, допил кофе и поставил чашку в раковину. — Мне пора на работу.

Николай взял пиджак, портфель. Я проводила его до двери, пытаюсь поймать его взгляд, но он упорно смотрел мимо меня.

— Коля...

— До вечера, — бросил он и вышел, громко хлопнув дверью.

Я осталась стоять в прихожей, обняв себя за плечи. Внутри заворочалось глухое беспокойство. Что-то было не так. Определено не так...

Весь день я провела в мастерской, но работа совершенно не клеилась. Руки дрожали, стежки получались кривыми. Я постоянно бросала взгляды на телефон, но Николай не звонил. Обычно он писал мне несколько раз за день — спрашивал, как дела, что я съела на обед, скучаю ли. Но сегодня — ни одного сообщения.

К вечеру тревога переросла в настоящий страх.

Я закрыла мастерскую раньше обычного и поехала домой. Всю дорогу твердила себе: «Все нормально. Просто у него тяжелый день. Сейчас ты приедешь, он обнимет тебя, и все будет хорошо».

Но когда я вошла в квартиру, то сразу поняла: ничего хорошего не будет.

Николай сидел в гостиной на диване. Перед ним на столе лежала стопка фотографий. Он молчал, сжимая в руке бокал виски. Лицо — каменное, глаза — мертвые.

— Коля? — я осторожно шагнула в комнату, стягивая с себя пальто. — Что случилось?

Он медленно поднял голову. Посмотрел на меня так, словно видел впервые в жизни. С таким леденящим презрением, что я невольно попятилась.

— Подойди сюда, — тихо произнес он.

Я подошла, чувствуя, как бешенно колотится сердце. Николай взял одну из фотографий и протянул ее мне.

— Объясни мне вот это.

Я взяла снимок дрожащими пальцами — и остолбенела.

На фотографии была я. В постели, с каким-то мужчиной. Он целовал меня в шею, я обнимала его за плечи, глаза были полузакрыты. Однозначно интимная сцена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.